

№ 59 X 412-632.1/6
K 599

ЛАЗАРЬ КОКЫШЕВ

ТРУБАЧИ

Подписная
РОССИЯ

2/2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1966

23

ЛАЗАРЬ КОКЫШЕВ

Т Р У

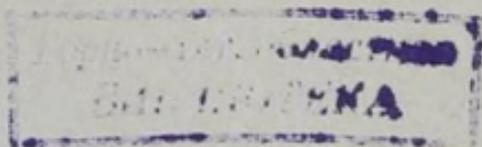

БАЧИ

ПОЭМА О РАСКОСМ ТУБЕ

134450
7057431
D

Перевод с алтайского
Георгия Горностаева

84(2-6321/6-5

С (Спб) 2
К 59 у

Лазарь Кокышев — молодой алтайский поэт. Он выпустил больше десяти книжек стихов и поэм, перевел на родной язык поэмы Лермонтова, Некрасова, создал первый в алтайской литературе роман «Арина».

Поэма «Трубачи» — новое значительное произведение Л. Кокышева. В ней автор рисует картину борьбы за установление Советской власти на Алтае.

В центре поэмы — алтайский охотник Туба, бедняк, слабо разбирающийся, в каком стане сражаться — на стороне красных войск или белых. В конце концов после многих мытарств, начиная понимать, за кем правда, он становится красноармейцем.

5-КЛВ-Т-ПОРТ

ГОРОД УЛАЛА

Седел скрип,
Шуршанье шуб,
Хлопанье плеток,
Чмокание губ...
Это алтайцы
Спускаются с гор —
Окончен осенний
Таежный сбор.
Кедровые орехи,
Шкуры, смолу
Охотники, добытчики
Везут в Улалу,
Торопятся на торжище
Со всех концов.
Ждет их жадность
Русских купцов,
Ждет ясак,

Ждут долги,
Ждет зайсан —
Хозяин тайги.
Попробуй не дать
Князьку соболей —
Отведаешь розог,
А то и плетей.

Переспав под таратайками,
Охотники с утра
До самого вечера
Не закрывают рта,
Над мешками, кадками
Кричат самозабвенно:
— Покупайте подарки
Всевышнего Юлгена!..¹
Базар, базар.
Копеечный азарт.
Деньги, деньги
На ладнях телькают.
Толчея, галдеж,
Не проедешь, не пройдешь.
Трещат под напором
Доски забора.
Пляшут нищие —
По кругу шапки.
Сторонись! — купцы
Играют в бабки.
Ой-ла, ой-ла-ла,
Весела Улала!

¹ Бог добра.

Почерневший от ветра,
Весь в кедровой смоле,
И Туба Раскосый здесь,
На базаре в Улале.
Продает орехи
Для чужой потехи,
Мед купчихам
Для чайных услад,
Барловые шкуры¹
Под байский зад.
Тоже кричит
На весь базар:
— Юлгена дар!
Юлгена дар!..
Тоже, как все,
По уши в долгу,
Хоть вези в мешках
Всю тайгу.
Башмаки на нем
Разбиты в прах,
Половина шубы —
В тайге, на суках.
Да зато венчает
Удалую башку
Лисья шапка —
Кисть на боку.
Подбоченясь, бойко
Бабенкам подморгнет,
Угостит орешками...
Туба не пропадет!

¹ Осенние шкуры, с самой густой шерстью.

Воры так и вьются,
Но им невдомек,
Как заполучить
Тубы кошелек.
В кошельке, наверно,
Битком серебра,
Только где же в шубе
Карман,
А где дыра?
Эх ты, лисья шапка
С кистью на боку!
Обхватил Раскосый
Руками башку.
Выбрался из толкучки,
Делит выручку на кучки.
Кучка — зайсану,
Кучка — купцу,
Кучка — шаману,
Старому шельмецу.
А там еще этот
Чертов бай..
А детям?..
А на порох?..
Хоть погибай!
Делил, делил —
Не делится что-то.
Туба окончательно
Сбился со счета.
А тут дождь зачастил,
Промочил насквозь.
И взяла Тубу Раскосого
Злость!

Сгреб деньги —
Так-перетак! —
Махнул рукой,
Шмыгнул в кабак.]

На улице грязь,
Осенняя хмарь,
А в кабаке —
Сам себе царь.
Дебелая девка
За стойкой у бочки,
Руки в боки,
Бирюзинки в мочках;
Мышиные зубки,
Кошачьи лапки...
Так и зовут эту девку —
Цапкой.
— Эй, молодка!
Давай водка,
Качай пиво,
Резай селедка!..

Расступилась толпа,
Вынул деньги Туба,
Опрокинул стакан —
Разгорелась губа.
Перед Цапкой на полок
Бросил мокрый кошелек:
— Плачú за всех!
Подходи, сермяга!
Золото — человек,
Деньги — бумага!

Наплевать на долги,
Прокормим детишек,
Много кедров у тайги,
А у кедров — шишек!..

В кабаке содом,
В кабаке гам.
— Кто хозяин
Моим деньгám?
Я тоже бай,
Я тоже купец,
Умею пить,
Пока бочке конец.
Плясать пойду —
Наизнанку карман,
Стану прыгать и кружиться —
Позавидует шаман.
Иванак, пошто поник?
Не горюй, бедняга.
Золото — человек,
Деньги — бумага!
Не качайся, друг,
Пей до дна.
Судьба у нас,
Бедняков,
Одна.
Зачем горевать,
В рукава плакать?
Не пробьет портянку нашу
Улалвинская слякоть!..
Разошелся Туба —
Кум королю.

Бесшабашен алтаец,
Когда во хмелю.

В Петрограде, на балу,
Сапогами вертит царь.
Одинокий на углу
Озирает Улалу
Керосиновый фонарь.
В узких улицах, кривых,
Приютила Улала
На трех вывесках своих
Двухголового орла.
Дождик бьет по жести звонко,
И глядят орлы из тьмы
Над управой, над казенкой,
Над воротами тюрьмы.
На холме стоит, чернея,
Улалинская тюрьма.
Словно нищие, пред нею
Деревянные дома.
Стены вкривь, заборы вкось,
Каждый дом как будто пьян.
Все утихло, улеглось,
На замке кабак-буян.
Вдруг свистком городской
Будит старую тюрьму,
Гром засова, петель вой
Отзываются ему.
Вот раздвинулись ворота,
Как железная стена,
И в тюрьму ввели кого-то...
Снова глухо.

Тишина.

Вот на старом Чуйском спуске
Запоздалый пьяный крик,
То ль алтайский, то ли русский —
Не поймешь, какой язык.
Кто плетется кое-как
От столба и до столба?
Вот гуляка из гуляк!..
Кто же это?
Наш Туба!
Улала, ой, Улала!
Лужи, дождь, ночная мгла.
Сквозь портянку грязь прошла.
Так увязла нога —
До утра хоть стой.
Долг большой, как тайга,
Кошелек — пустой.
Шкуру спустит зайсан,
А вторую — купец,
Третью — чертов бай.
Дети скажут: «Отец,
Кушать дай».
Видно, деньги не пустяк.
Не уйти от судьбы.
Стертый медный пятак,
Знать, дороже Тубы.

ТУБА УГОДИЛ В ТЮРЬМУ

Так и было: за долги
Угодил Туба в тюрьму.
Только что тюрьма Тубе?
Я скажу — лафа ему!

За решеткою зима,
Снег, как хлопок, повалил.
А тюрьма куда теплей,
Чище, суше, чем аил¹.

Что ты там ни говори,
Каталажка просто рай.
Он, на нарах развалясь,
Целый день лежит, как бай.

¹ Юрта. В других случаях — село.

Рано утром звон ключей —
На поверку становись!
Жив? Здоров? Параша есть?
И опять иди ложись.

Точно в полдень на обед
Подают горячий суп,
Свечереет — хлеб Тубе
И кувшины с водой несут.

Говорить начистоту —
Злою волею судеб
От рожденья в первый раз
Тут попробовал он хлеб.

Арестантский на Тубе,
Без прорех и без заплат,
Лучше шубы, полосатый,
Загляденье — не халат.

На березовом ходу
Башмаки, ну, в самый раз,
Навернешь тряпья, травы —
Будто шиты на заказ.

А сегодня в бане был,
Даром голову побрил;
Привели — на нары влез,
Дрыхнет, черт его бери!

Как за пазухой Христа,
За решеткой: чертов бай

В прутья свой не сунет нос —
Деньги, мол, Туба, отдай.

Не придет сюда купец:
«Ты когда вернешь мне долг?»
Ну, а если и придет,
Вряд ли в этом будет толк.

Спит Раскосый, видит сон:
Надзиратель снял замок.
Двери настежь. «Выходи,
Кончен твой тюремный срок».

А Туба смеется с нар:
«Э-э, начальник, что я — глуп?
Я на волю не пойду.
Подавай-ка лучше суп».

Суп несут.
Не миску — бак.
И не ложку, а корец.
Мигом на пол прыг Туба.
«Эх, наемся наконец!»

И пока он суп корцом
Уплетает,
Я прерву
И потом уж допишу
Арестантскую главу.

РЫЖУХА

Дело в том, что есть в поэме
Не последний персонаж.
Мы сказать о нем забыли.
Он простит нам промах наш.

Роль его хоть бессловесна —
Знай себе башкой качай,—
Тем не менее без соли
Тоже ведь не вкусен чай.

Персонаж, забытый нами,
Был с Тубою каждый день,
В зной, в мороз,
В тайге и дома.
Он Тубы вторая тень.

И когда Туба орехи
На базаре продавал,
Персонаж ему по-братски
Что-то на ухо шептал.

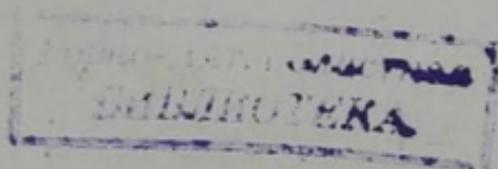
И когда Туба на кучки
Деньги медные делил,
Наступая на поводья,
Персонаж вокруг бродил.

И пока Туба пил водку,
Кочевряжился пока,
Персонаж лизал соленый
Задний угол кабака.

За Тубой во тьме, по грязи
Шлепал от столба к столбу.
Упадет Туба — он фыркал
И обнюхивал Тубу.

Понимал: хватил хозяин,
Зельем пахнет, развезло...
И поржевывал негромко,
Приглашал его в седло.

Низкорослый, острокопный,
Шерстоног, большеголов,

137450

Конь туземный, конь алтайский,
Конь солощій, зверолов,

Ступистый, неспотыкливый,
Неутомный конь-крепыш.
С дамским именем Рыжуха,
Потому что вправду рыж...

О бессмертный предводитель
Знаменитых лошадей —
Росинант, достойный лавров
И овса Подлунной всей!

Ты, от Пелы до Пенджаба
Мир поправший Буцефал,
Ты, который слитком бронзы
В Риме встал на пьедестал!

О ковяга д'Артаньяна,
Несравненный экстерьер!¹
О кровей чистопородных
Благородный Холстомер!

Безымянный, командирский,
О картинка-жеребец,
Что сверкаешь рафинадом —
Белым, как сказал певец!

¹ Внешний вид лошади.

О прославленные кони
На века, а не на миг,
Вы киваете и ржете
Со страниц нетленных книг,

В стойлах ваших потеснитесь
На конюшне мировой,
Принимайте-ка Рыжуху
В табунок бессмертный свой!

Зверя скрадывая ловко,
Прикрывает он Тубу,
Лишь пощипывает травку,
Усмехается в губу.

А Туба двойным зарядом
Из-под брюха вдруг ба-бах!
Рыжий черт не двинет ухом,
Хоть и пыж ударит в пах.

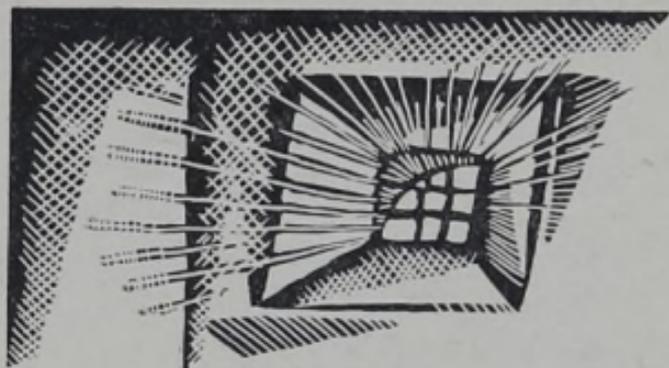
Зайца ли, лису догонит —
С правой, с левой стороны
Он хватает их зубами
Прямо поперек спины.

На него взвали медвежью
Шкуру,
Что вот-вот снята,—
Не храпнет, не затрясется,
Не сробеет ни шута.

Чем он жив?
Травою летом,
А зимой, ей-ей не вру,
Ест бруснику, гложет прутья,
Щиплет мох, жует кору.

И пока наш узник бедный
Свой счастливый видит сон,
И Рыжухе снится торба
С отрубями и овсом.

Он ведь тоже заключенный,
Возит воду и дрова.
На него у царской власти
На полгода все права.

ОКОНЧАНИЕ АРЕСТАНТСКОЙ ГЛАВЫ

То глядит в решетку день,
То полуночная тьма,
То на прутьях талый снег,
То мороза бахрома.

Чаще солнышко гостит.
Тень решетки на стене
Ниже к полу каждый раз —
Дело движется к весне.

Вот стеклярусом капель
Занавесила окно.
Ветер травкою пахнул.
Гром ударил озорно.

Над садами Улалы
Разнеслось: «Ку-ку! Ку-ку!»
И впервые вдруг Туба
Ощутил в груди тоску.

Прутья пальцами он сжал,
Приподнялся на носках
И запел про свой аил,
Про орленка в облаках.

И теперь Тубе не суп —
Снится вольная тайга.
Камера тесна, тускла,
Длинен день и ночь долга.

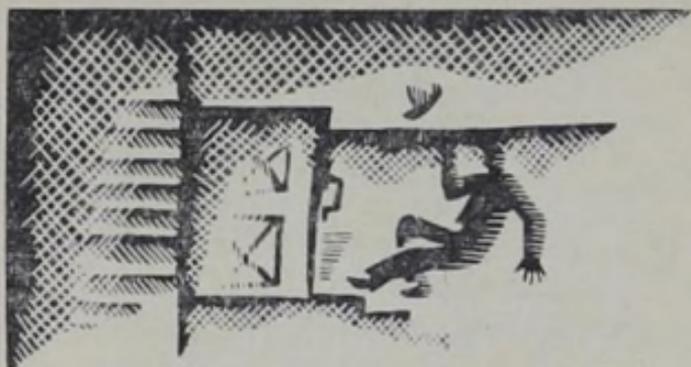
Слышен в звяканье ключей
Перезвон тошшюра струн.
Он зовет его к друзьям,
К их вечернему костру.

Зашуршит под головой,
Полной невеселых дум,
Сено в грязном тюфяке —
Мнится кедров летний шум.

Крысы возятся, пищат —
Мнится соловьиный свист;
Под горой кипит Катунь,
Небосвод широк и чист.

Свесил ноги с нар Туба,
Запустил ботинком в крыс:
«Брысь, шайтан, в свою дыру,
Чтоб ты хвост себе отгрыз!»

Не во сне, а наяву
Надзиратель снял замок.
Двери настезь.
«Выходи!
Кончен твой тюремный срок!»

ТУБА НАНОСИТ ВИЗИТЫ

Вышел из тюрьмы Туба.
Шапка — кисть на ухо.
За Тубой на поводу
Тень Тубы — Рыжуха.

Шубы нет.
Зачем она?
Теплая погода.
Башмаки начальству сдал.
Бос, зато — свобода.

Есть рубаха и штаны
Из потертой кожи.
На шайтана голый зад
Те штаны похожи.

И Туба, не помня зла,
Просиял улыбкой:
— По тебе я, Улала,
Столковался шибко!

Вот бы пороху достать!
Да пойдя, спроси ты...
И пошел он богачам
Наносить визиты.

Об железку у крыльца,
Как и подобает,
Ноги голые потер
И стучится к баю.

Но из байских ворот —
Вот какое дело! —
Вылетел Туба вперед
Задней частью тела.

Отряхнулся, глядит —
Не смеются люди?
Снова принял бравый вид:
«Ладно, будь что будет!»

Привязал коня к крыльцу
И пошел в хоромы
Прямо к русскому купцу.
Был купчина дома.

Русский бог с Тубою врозь,
Но Туба иконам

Сделал крест с пуна на лоб
И сказал с поклоном:

— Все орехи в дар тебе
С кедров Тунерака,
Соболь весь твоей жене
С сопок Уйелека

Привезу, увидишь сам,
Много, целый ворох,
Только, знаешь, у Тубы
Нет свинец и порох...

Незаметно он успел
Подморгнуть служанке.
А купец побагровел —
Рожа наизнанку!

— Пшел за дверь!
Да как ты мог
На глаза явиться?
Ты сперва верни мне долг,
Чтоб те провалиться!

— Долг?
Пошто так говоришь?
Ты же сам ученый.
Суд — судил?
В тюрьму — садил?
Долг теперь казенный.

— Большевик! — орет купец.
А Туба моргает,
Что за слово «большевик»,
Думает-гадает.

«Иноходец» — это так.
«Черт чумазый» — это так.
«Пес паршивый» — это так.
Ко всему Туба привык.
Не придумает никак,
Что такое «большевик».

И пока башку ломал
Над мудреным словом,
Тем же способом с крыльца
Вылетел он снова.

Много шуму в Улале,
Разговоров разных,
Каждый бьет в колокола —
Ты за белых? красных?

Каждый должен выбрать цвет,
Вроде бы обязан.
В чем тут дело?
Кем и как
Узелок завязан?

Оба цвета хороши,
Ясно и без спора.
Краска не нужна Тубе,
Нужен только порох.

Э! Тайга — не Улала,
Там уж без обмана.
И направился Туба
Звать в тайгу Ивана.

Бедность прочное гнездо
В хате друга свила.
Стал Туба считать детей —
Пальцев не хватило.

Хлеб достал из тороков,
Что в тюрьме припрятал,
Разломил и разделил
Поровну ребятам.

А Иван махнул рукой:
— Вот она, житуха!..
Где ж ты, паря, пропал
Со своим Рыжухой?

— Иванак! Моя башка,
Видно, поглупела.
Что такое «большевик»?
Что такое «белый»?

Что случилось с Улалой?
Что такое «красный»?
Каждый бьет в колокола,
Может, не напрасно?

— Да, народ шумит не зря.
В Питере-столице

Сняли батюшку-царя
С матушкой-царицей.

Белый — тот, кто за царя,
Красный — тот, кто против.
Ленин — главный большевик
И вожак в народе...

— Иванак! Айда в тайгу!
Только дай мне порох.
— Уходить я не могу.
Порох нынче дорог.

Неизвестно, как теперь
Обернется дело.
Может, я еще пульну
По тому, кто белый.

Пороху немного дам.
Вот, возьми полфунта.
А на бая и купца
С колокольни плюнь ты.

Как ты ходишь босиком
По камням, паря?
У меня в сарае есть
Башмачишек пара.

Вот зипун...
Хоть и старье,
Да ночами зябко.
Где ружьишко-то твое?
— Закладал у Цапки.

ТУБА ЗАЩИЩАЕТ ДЕМОКРАТИЮ

Так и было: без гроша,
В чем лишь держится душа,
Краем берега Маймы,
Мимо рынка и тюрьмы,
От Иванова двора,
Да и то сказать — пора!
Наш Туба в родной аил
На Рыжухе порысил.

Кривобока Улала,
Неказиста внешне,
С горки глянесь —
Нет числа
Нужникам-скворешням.
Но она не так мала,
Город как-никак,

Да куда ног ни направь —
На пути кабак.

Если б двери кабака
Миновал Туба, небось,
С ним тогда наверняка
Ничего б и не стряслось.

Знал Туба: вино — порок,
И не пить давал зарок!
Только ногу, как назло,
Будто ветром занесло
Через тот порог.

Та же девка у прилавка,
Та же бочка, та же давка,
Дым табачный и галдеж —
Лучше места не найдешь!

Тут за кварталом медовухи
Ходят новости и слухи,
Тут и правда, тут и ложь...
Лучше места не найдешь!

Цапка кружку — под насос,
Подает ее Тубе.
Пьет Туба, мигает Цапке,
Пена тает на губе.

Вдруг притихли в кабаке.
Входит кожаный бурдюк —

Брюхо в дверь, глаза на лоб
И голгочет, как индюк.

Без кокарды, без погон,
Без «селедки» и без шпор
Пристав — бывшая гроза
И сегодняшний позор.

Погрозил Тубе с порога
Сквозь хмельную кутерьму:
— Ты, паршивый инородец,
Захотел опять в тюрьму?

По старинке ус крутнул,
К стойке Цапкиной шагнул,
Отстранил рукой народ,
Бросил медный барнаул¹.

Поп-раестрига из угла
Возмутился:
— Братия!
Что ж он прет без череду,
Где же «демократия»?

Зыркнул кожаный бурдюк
Да как гаркнет:
— Дикари!
Тут не вытерпел Туба:
— Ах, шайтан тебя дер!

¹ Мелкая медная монета.

Отхлебнул игристого
И пошел на пристава.

Сбросил шапку, снял зипун,
На ладони поплевал...
Чтоб рубашку не порвать,
Он, подумав, тоже снял.

И схватил врага за ус,
Дернул пристава за ус.
Что там было в кабаке —
Описать я не берусь.

Там скрестились кулаки,
Заиграли тумаки,
Локти в ход пошли, колени,
Головы и каблуки.

И уж так гвоздят друг друга
По «салазкам», под бока...
Беспокойно ржет Рыжуха
За стеною кабака.

Поц жандарму, изловчась,
Дал пинка и зело рад.
Чья возьмет? Кто будет бит?
Люди бьются об заклад.

Не сдается ни один,
На обоих нет лица.
Как Гучков, ведут войну
«До победного конца».

Битва шла на кулаках,
Битва шла на каблуках,
Шла на русском и алтайском —
На обоих языках.

— Упеку! Скотина! Морда!
Демократию вам дай?
— Ты, тюремный тарбаган¹,
За ширинку не хватай!

На Тубе штаны из кожи
Честно отслужили срок,
Деревянные застёжки
Брызнули под потолок.

Пристав пыжится, хитрит,
Дать подножку норовит,
Да запутался в портянке,
Рухнул на пол и лежит.

Оседлал Туба врага,
Снял с ноги своей башмак
И что было силы по лбу
Каблуком с железкой — шмяк!

— Я, по-твоему, дикарь?
Иноходец? Морда? Скот?
Ты меня опять в тюрьму?
Вот тебе за это, вот!

¹ Крыса.

Как февральский бант буржуя,
Лоб у пристава расцвел.
Вот и все.
Туба Раскосый
С монархизмом счета свел.

Так и было:
Бывший пристав
В бозе под столом почил,
А Туба укрылся в нужник
И штаны свои чинил.

ТУБА И ДАБА

Где Катунь-река и Бия
В Обь сливаются,
Считай,
Там окраина России,
Обездоленный Алтай.

Рядом, близко, очень близко,
Словно майская заря,
В Барнауле, даже в Бийске
Флаги красные горят.

Шум собраний в сельсоветах,
Гольтьба взялась за ум...
Над Алтаем черноцветом
Реет флаг Каракорум¹.

¹ Буржуазно-националистическая управа. Название Каракорумская было дано управе в честь древней столицы Чингис-хана, находившейся в Монголии.

Все как было, все как встарь,
Будто и не свергнут царь.

За анлом речка в поле.
Все валом валили к ней.
Жгли костры.
Кололи
Молодых коней.

Ждали князя.
Приназывал
Хозяин долины.
Отпотели на коврах
Куски вареной конины.

Вот залаяли собаки —
Из соседнего лога
Показались всадники.
И довольно много.

Едет сам Дабá со свитой.
Под зайсаном белый аргамак —
Стаканчиками копыта,
С золотыми бляшками чепрак.

Фиолетового бархата с кунницей
Шуба на Дабe.
На ее подол молиться
Только и осталось голытьбе.

Баи под руки князя
Ведут, семена.

На отдельной коновязи
Привязали белого коня.

Женщины в сторонке песни пели,
Кланялись Дабе.
А он, как глухой.
Люди, встав на колени,
подавали чаши с арахой.

На роскошном ковре
Даба вроде идола.
И Туба Дабе
Позавидовал.

И подумал: «Мне бы тот,
Что облапил он, кусок!
По каким делам зайсана
К нам шайтан приволок?»

В ту минуту рот зайсана
Загремел, как труба:
— А где этот самый
Разраскосый Туба?!

Подумав немного,
Даба пальцем подал знак,
И сборщик налогов
Говорить по бумаге начал так:

«Всем известный Туба Раскосый
Где-то шлялся всю зиму без спроса,

Обнаглел и предался шайтану,
Не платит налогов зайсану.
Деньги, что дала ему Алтай-тайга,
Пропил все до последнего таньга.
Его высокоблагородие в Улале
Избил до полусмерти башмаком по голове.
Как наличествует из расспросов,
Всем известный Туба Раскосый
С большевистской якшался рванью,
Красный он, говорят, с «воззваньем»!
Снять с него тряпье, пока не стемнело,
Приготовить палки и приступить к делу —
Шестьдесят палок, чтоб изгнать нечистого,
И двадцать вдобавок дать ему за пристава.
К сему приложен палец Зайсана».

В предвкушении лунки
Баи вкусно засосали
Медные трубки.

Так и было, так и было:
Быстро справились с Тубой,
Положили к небу тылом
И к родной земле щекой.

Провели ладонями по ребрам
И ударили разок-другой для пробы.

И сказал тогда Туба,
Чтобы слышала толпа,
Да и сам Даба:
— Я от палок не умру, однако.

Пусть Даба лизнет меня в ту сласть,
Что друг другу нюхают собаки.
Мне плевать на эту вашу власть!

С двух сторон взлетели палки,
И пошла перепалка.

Пять ударов... восемь, девять —
Набок закусил язык. Что делать!..

Двадцать палок, двадцать две —
Кровь росую на траве.

Тридцать ровно... тридцать шесть —
Э-э, в седло теперь не сесть!

Сорок с чем-то, пятьдесят —
Лишь глаза сильнее косят.

Палки жик, жик, жик!
А Туба уже привык.

На добавке, под концом где-то там
Обе палки поломались пополам.

Поднялся Туба на ноги,
Окинул толпу глазами,
Подобрал свои кожаные штаны,
Отвернулся от женщин и застегнулся,
Встряхнул зипунишко,
Локтем выбил трубку изо рта палача
И направился прямо к зайсану.

Всполошилась ревнивая свита —
Чуть Туба до Дабы не добрался...
Закачался над головой
Небосвод голубой,
Закружилась земля под Тубой,
Как необъезженный конь,
И упал Туба на красный ковер,
В свою боль,
Как в огонь.

А Даба не дрогнул даже.
У него права.
Перед ним дымит лошажья
На подносе голова.

У Дабы три маслобойки,
Двухэтажных пять домов,
Лошадей одних гуляет
Восемьдесят табунов.

Сам каган¹ всем зайсанам
Ставит Дабу в пример.
Даба компании Зингер
Акционер.

В Улале открыл машинок
Швейных
Магазин.

¹ Особоуполномоченный управы.

Член Каракорума
Дабы старший сын.

На тот свет Даба загонит
За дырявый грош.
Хлопнет по носу законом —
Что с него возьмешь?

БУБЕН ШАМАНА

Все на свете презирающий,
Умирающий,
Туба лежит в своем анле,
Как в могиле.
Дым от костра — из анла в дыру,
А ветер его — в анл, к костру.
Снится Тубе пожар.
У Тубы жар.

Сбилась с ног Бабачак.
Как бы Туба совсем не зачах.
Оседлала Рыжуху ранним утром,
Поскакала к шаманской юрте.
— О всезнающий Кам!
Тубе — хуже.
Прогони злого духа,
Вылечи мужа.

А шаман

Вечно пьян.

Цвиркнул меж зубов слюной:

— Твой Туба дерьмо свиной!

Цвирк слюной через губу:

— Не хочу лечить безбожного Тубу.

Когда бегал он, голопуз, бесштан,

Правду я говорил — в нем сидит шайтан.

Я с его отцом чай соленый пил —

Шубу мне он к земле колышками прибил.

Твой негодный муж перед Духом преступен —

Снял штаны и напачкал на священный мой

бубен.

Или ты, Бабачак,

Обо всем позабыла?

Говори, было так?

— Было, было...

О великий Кам,

Я барана дам.

— Хорошо, Бабачак, столкнуться пора нам,

Бубен могут очистить не один — два барана.

Ничего, что ветер бьет,

Холодит лицо туман —

На святуюю клячу влез,

Порысил к Тубе шаман.

Со звоночками колпак,

С бубенцами пояс взял,

И под мышку бубен взял,

Колотушку тоже взял.

Но не грешная душа,
Не Тубы извечный Дух —
Колдуна тянул к себе
Дух барана.
Даже двух.

Ходит, ходит Бабачак.
Все готово. Гости ждут.
Мясо есть. Кумышка есть.
Где шаман? Он тут как тут!

Носом воздух потянул,
Руки над огнем простер,
Гулкий бубен отогрел,
Потушить велел костер.

Как подрезанный петух,
Прыгнул прямо, вбок, назад,
Босиком ушел в тот мир,
Что не всякий видеть рад.

Колотушкой в бубен — бум!
Бум, бум, бум — священный шум.
Погремушками трясет,
Он Тубу теперь спасет.

Нет шамана на земле —
Далеко летит во мгле,
Где белковый кряж,
Где гора Акташ,
Где железная вода¹,

¹ Самородная ртуть; «белками» на Алтае называют снеговые горы.

Потайная дверь —
Туда.
— Не бери Тубу, Эрлик¹,
Грех Тубы не так велик.
Даст барана он взамен.
Помоги Тубе, Юлген!

Завертелся, как юла.
Из костра летит зола.
Гонит, гонит злую силу
По всему аплу.
Поджимают ноги гости.
А Туба привстал на полсти,
Сплюнул в сторону со злости:

— Что ты бегаешь, бзыкун,
Как от овода торбок²,
На меня и на гостей
Пыль трясешь из порток.
Пожалей свой бубен, плут,
Не кружись — напрасен труд!

Дотянулся до костра,
Взял потолще головню,
Кинул ею в колдуна,
Угодил ему в мотню.

¹ Бог зла.

² Бычок.

Взвыл шаман.
Из мира духов
Возвратился в мир земной,
Как медведь-шатуи, голодный,
Утомленный и... хромой.

— Ох, сердит Эрлик!
Ох, жесток Юлген!
Сильно бил меня палкой
Вот сюда и по ноге.
Не хотят боги
Лечить грешные раны,
Говорят боги —
Где бараны?

Вновь Туба рукой к костру.
Эскулапа дальний брат
Бросился из юрты вон,
Прикрывая бубном зад.

Влез в седло, ударил лошадь
Гулким бубном по ушам,
Всю дорогу разговаривал
С шайтаном по душам:

— Чтоб скорей приходил Колчак,
Арестовал Тубу с Бабачак!
Чтоб Тубе
Околеть под пытками!
Чтоб Тубе
Висеть на столбе
С железными нитками!

Чтоб Тубу
Пуля по лбу!

А Туба отвары пил.
На Алтае много трав!
Он шаманам всем назло
Встал с постели жив и здоров.

Что там делать под землей —
С Эрликом считать гробы?
Продолжалась на земле
Жизнь Раскосого Тубы.

КОЛЧАК

Сквозь туннели над Байкалом,
Сквозь дымы таежных палов
Поезд мчится издалека,
Мчится из Владивостока
Через всю Сибирь на Омск.
Едет в собственном вагоне,
В фешенебельном салоне
Генерал английский Нокс.

Что в Сибири надо Ноксу?
Англичане чудачи.
Занимается он боксом,
Чешет «грушей» кулаки.
Ест пельмени, пьет какао
И в окно глядит лукаво.

На вагоне, с крышей вровень,
На ветру британский флаг.
В коридоре, сдвинув брови,
У окна стоит Колчак.
Он под крылышком посла,
Хитрость коршуна спасла.
Он в фуражке и шинели,
А погоны с плеч — содрал...
Поезд ехал три недели.
Все обдумал адмирал.

Чтоб вернуться (есть примета)
В город свой из дальних стран,
Золотую брось монету
В море, в пруд или фонтан.
Адмирал из Крыма драпал
По причине не простой
И за борт на память крабам
Бросил кортик золотой.

Не далеко и не близко —
Был в Нью-Йорке, в Сан-Франциско,
Был в Мукдене, был в Пекине.
«Кто же денег мне подкинет?»
Ах, судьбина ты жестокая,
Пятки он лизал и в Токио.

Знать, сбылась его примета —
Он вернулся с того света,
Он поднялся на Советы,
На Раскосого Тубу.

Всех Колчак согнет в дугу!
За двойным стеклом окна
Все тайга, кедрач, сосна,
И на каждом он суку
Видит по бунтовщику.

Нокс уснул. Глаза продрал:
— Где мы едем, адмирал?..

В Омске, около собора —
Директория.
А в ней
Нескончаемые споры
И чем дальше, тем сильнее.
Министерские портфели
Там тасуют так и сяк.
Стасоваться не успели —
Тут и вынырнул Колчак.

Он глазами цвета охры
Поглядел на кавитель,
И ему вручили мокрых,
То бишь, дел морских портфель.
Всем хорош портфель — работа
Заграничная, о'кэй!
Только вот беда — без флота
И вдобавок без морей.

Ночь.
Министры еле-еле
Шевелили языком.

Грохнул он об стол портфелем
И пристукнул кулаком:
— Не министры вы — кликуши.
Ваша болтовня смешна.
В небе, в море и на суше
Диктатура мне нужна.

Председатель осовело
Задаёт вопрос ему:
— А куда эсеров левых?
— Левых?
Как куда — в тюрьму!
— Депутацию рабочих,
Может, стоило б принять?
— Да. Принять.
Но покороче —
К Иртышу и расстрелять!

— О-о! — министры в фас и сбоку
На него глядят в упор, —
Наконец-то!
Слава богу!
Редививус эт ультор!¹
Вы спаситель, вы мессия...
— Вздор и вздор! — вспыхнул Колчак, —
Я правитель всей России.
И Верховный.
Только так!

¹ Воскресший мститель (*лат.*).

Зали.

Рабочие упали.

Вниз шуга плывет, шурша.

И лежат они, как шпалы,

На песке у Иртыша.

И лежат с потухшим взором

У лабазов городских,

На путях за семафором,

На задворках мастерских.

По Сибири дым и пламя.

И не в полосы — в лоскут

Бабье тело шомполами

Раскаленными секут.

Офицерское усердье,

Кулачья хмельной обрез...

Вниз с шугою «баржи смерти»

В свой плывут последний рейс.

Мстит Колчак за сельсоветы,

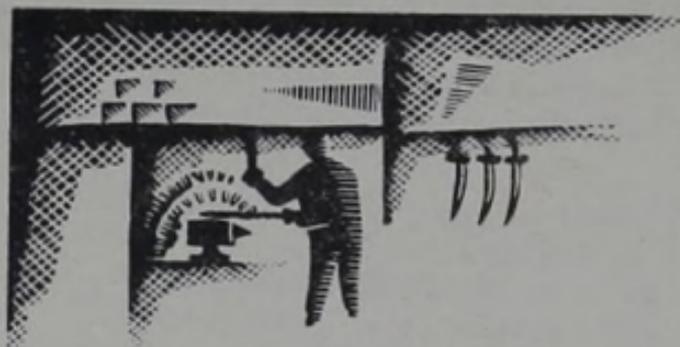
Мстит за флагов алый май,

Мстит за то, что на Исети

Царь отправлен к богу в рай.

От Байкала до Урала

Власть в руках у адмирала.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ТАЙГЕ

Весела тайга весной,
Ароматна в летний зной,
Звонкой осенью свежа
И зимою хороша —
Засыпана, завьюжена,
Вся одета в кружево.

Снег подушками навис.
С этой ветки и на ту
Вдруг летит бесшумно вниз,
Распыляясь на лету.

Шел себе Туба тропой,
Как ходил обычно,
Вел Рыжуху в поводу
С тощею добычей.

Два мешка полупустых,
Две кошелки ветхих...
Шел Туба, перед собой
Раздвигая ветки.

Только что скалу Аю
Обогнул Раскосый —
Из ветвей ружейный ствол
Перед самым носом:

— Стой! Ни с места! Руки вверх!
Кто такой? Откуда?..
Вот никак не ожидал
Он такого чуда.

— Что в мешках? А ну, кажи!..
Экие придиры!
И ведут они Тубу
В лагерь, к командиру.

Так и было:
Привели
Прямо к командиру.
Командир сидел на пне,
Штуцер мазал жиром.

— Иванак! — вскричал Туба.
Командир поднялся
И, как был в жиру,
С Тубой
Он расцеловался.

— Ну, брат паря, вот так смех,
К нам попался в плен ты!..
И поправил свой треух
С кумачовой лентой.

Но потушился Туба
И сказал с упреком:
— Мой тебя в тайгу звала?
Ты один ускокал!

Жир Иван с ладоней стер:
— Экий ты глупоня!
Не охотиться ведь я —
Партизанить, понял?

— Красный?
— Эва, раскусил!..
Вдоль чугулки чехи,
Там Колчак, тут кулачье.
Нам не до потехи!..

По тайге костры, костры.
Варят партизаны.
Ладят сбрую, ружьеца —
Каждый чем-то занят.

Пахнет кашею тайга.
На делянке дальней
Слышно, молот с молотком
Звонит в наковальню.

Звяк, дзень-дзень!
Звяк, дзень-дзень!..
— Что ж стоять впустую?
Привяжи коня, пойдём
Хоть бы в мастерскую.

Перед входом — часовой
В рыжем полушубке,
А внизу, почти до пят,
Вроде бы как юбка.

Он с пима да на пим
На морозце прыгал.
И Туба узнал его —
Это ж поп-расстрига!

Обернулся часовой,
Рывкнул, как с амвона:
— Стой, Туба! Камо грядешь?¹
Тут святая зона.

— Смирно! — приказал Иван.
Поп довольно ловко
Козырнул, сказал «Аминь!»
И застыл с винтовкой.

Партизанский арсенал,
Мастерская-кузня!
Молот в огненный металл
Ударяет вкусно.
Палаши лежат, штыки.
Вот шрапнель в корзинке.

¹ Куда идешь (ст.-слав.).

Есть токарные станки
Из машинок «Зингер».
Если б знал Даба-зайсан,
Что снабжает партизан!

Мастера куют, гранят.
Гори цветет тюльпаном.
Под скамейкой взвод гранат
Из консервных банок.
Партизанский динамит,
Самодельный порох,
Хоть и здорово дымит,
Да готовить споро:
Надо взять три пуда серы,
Отпоти со стен пещеры,
Растолочь воз уголька
И добавить желчь сурка.
Как рванет, так уж рванет,
Броневик перевернет.

— Иванак, а это что-тко?

— Эх ты, паря-простота!

Крутани.

Крутнул — трещотка

Застучала «та-та-та».

— Пулемета?

— Пулемет.

Справдошних-то мало.

Ночью враг не разберет,

Даст спросонья драла.

— Шибко драла!— и Туба
Так расхохотался,
Что руками за живот
Много раз хватался.

Сажень ростом командир
С низеньким Тубою
Не спеша шагал к кострам
Хвойною тропею.

Другу в карие глаза
Синими глазами
Заглянул, сказал:
— Туба!
Оставайся с нами.
Знаешь, тезки мы с тобой,
Как это ни странно.
Твой народ зовут Тубой,
Мой народ — Иваном.
Дружбе нашей много лет.
Ты не из трусливых.
Будем вместе беляков
Бить и в хвост и в гриву!

Проплывала в синеве
Тучка над поляной.
Ковырнул Туба носком
Снег.
И в небо глянул.

И сказал примерно так:
Друг мой, тезка Иванак!

Видишь эту тучку,
Резвую летучку?
Хочешь, на нее вскочу,
Над тайгою полечу?
Я увижу, пролетая,
Красоту Алтая.
С журавлиной высоты
Обласкаю взором
Белогривые хребты,
Синие озера.
Легким крыльям — легкий лет,
В перышко — ветринка.
Я услышу, как вздохнет
Каждая травинка.
Пли нам земля не мать
С доброй широтою,
Так зачем же воевать
С этой красотой?
— Нет, Ивана! Мой — домой.
Дети пара штука.

— Ну, гляди...
А про отряд —
Никому ни звука!
Погоди-ка...
Эй, братва!
У кого есть шкурки —
Соболь там, иль колонок,
Белки, чернобурки?..

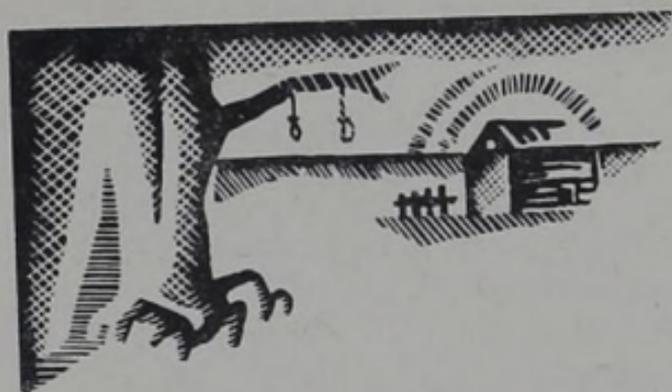
И одна другой пышней,
Выкунистей, лучше

Шкурки на снегу легли
Разноцветной кучей.

— Нам теперь на что они?
Мы ведь партизаны...
На людей глядел Туба
Жаркими глазами.

И когда Иван ему
Пожелал удачи,
Он до скрипа зубы сжал —
Так алтайцы плачут.

Вот как было!..
Шел Туба
Из смешного плена,
В десяти мешках домой
Вез «дары Юлгена».

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТУБЫ

Кони, кони всех мастей.
Всех цветов знамена.
Полный короб новостей
Ожидает дома.
По долинам рыщут банды.
Гик охрипших глоток.
У маралов режут панты,
Косы у молодок.
Звяк уздечек и стремян.
Клацают затворы.
Над Тубою злой буран
Разразился вскорее.

Под квадратным черным флагом
Едет банда ходким шагом.

Едет банда, перед ней
Сын зайсана Тужелей.

Как посмотрит Тужелей —
Нет на свете взгляда злей.

Как ударит Тужелей —
Кулака нет тяжелей.

Краснолобых не желей —
Учит банду Тужелей.

Поднял плетку на отлет:
— Лошадей пускай в намет!
Лошадей пускай в намет —
За бугром село нас ждет.
Поголяем как в раю,
Всем назло и зависть.
В руки ваши я дарю
Тамошних красавиц.
Заждалась нас араха,
Дым столбом пируха.
Кто не с нами — потроха
Выпустим из брюха.

Для начала Тужелей
Всем в Кокша-долине
В крест и в клетку расписал
Шомполами спины.

Он расселся в штаб-избе
На подушке взбитой
И осипшую свою
Глотку греет спиртом.

Он молодчикам в избу
Привести велел Тубу.

А в аиле у Тубы
Шкурок разных масса.
Дети прыгают, резвясь,
Налупились мяса.

В дымоход глядит Туба.
Небо тучи хмурит.
В щели дуют ветерки
Весточками бури.

На душе нехорошо,
Не душа, а рана.
«Почему я не пошел
В армию Ивана?»

Он понурившись стоит,
Как на перепутье.
Лезет в старенький сундук,
Роется в лоскутьях.

Бабачак следит за ним:
— Ты чего там ищешь?
И какие в сундуке
Потерялись тыщи?

— Погоди, не приставай!
Без тебя несладко.
Где-то тут была у нас
Красная подкладка.

— Так давно бы и сказал.
Вот ведь привередник!
Для подушки из нее
Сшила я наперник.

Тут он наволочку снял.
Из подушки плоской
Мигом вырезал ножом
Красную полоску.

Отряхнул с полоски пух,
Выгладил на лавке
И примерил алый цвет
К рыжей лисьей шапке.

И руками Бабачак
Перед ним всплеснула,
И слеза в ее очах
Ласково блеснула.

За два года в первый раз
Мужа, как бывало,
Привлекла она к себе
И поцеловала:

— Да хранит тебя судьба!
Будь легка дорога!..
В ту минуту «Эй, Туба!»
Крикнули с порога.

— Выходи да поживей!
Ждет полковник Тужелей.

А полковник глушит спирт.
Целый жбан уже испит.

— Ты, Туба, теперь богат.
Ты, Туба, теперь мне брат.
Но скажи,— добавил хмуρο,—
Где ты взял так много шкурок?

— Вел Рыжуху по тайге
С меледой¹ кедровой.
Вдруг навстречу мне Юлген:
«А! Туба! Здорово!
Как живешь?»
«Живу недорого —
Ни ружьишка нет, ни пороха.
А твои земные боги
Из портков трясут налоги».
«Полезай тогда на небо.
Ты, Туба, на небе не был?
Там береза бай-кайын.
Брюки кожаные скинь.
Ртом, которым не обедают,
На березу дунь как следует».
Дуть — так это я могу!
С бай-березы на тайгу,
На Рыжуху, на меня
Шкурки сыпались полдня.

¹ М е л е д а — орешки, шишки. В своем рассказе Туба высмеивает шаманское поверье, по которому на «втором небе» растет береза бай-кайын (богатая береза). Шаманы при жертвоприношениях якобы сдувают с нее зародыши скота.

Их на целый там аршин.
Жаль, мешков я мало сшил...

Тужелей с подушек встал,
Грозно брови сдвинул,
Руки с плеткой на дреме¹
За спину он кинул:

— Хватит, черт тебя дери,
Разводить турусы.
Красные? Каракорум?
Выбирай по вкусу!
Если встанешь в середину,
То получишь пулю в спину.
К нам пойдешь — получишь в дар
Пятистрельный беш-адар,
И седло, и шашку,
И со спиртом фляжку.
Жизнь твоих детишек слабых,
Воля-мать, содружье —
В ножнах белых наших сабель,
В черных дулах ружей.
То, что наше, нам отдай
И отдай немедля:
Для алтайцев — Хан-Алтай,
Партизанам — петля.
Царь-Колчак нас наградит,
Даст на ленте орден.

¹ Дрема — петля, мочка на плетке для надевания на руку.

Или, может быть, тебе
Плеткой дать по морде?

А Туба под дулом
Все стоял и думал.

— Красный штык — позади.
Белый штык — на груди.
Мне за белых — красные,
А за красных — белые.
Жизнь кругом опасная,
Что ж я тут поделаю?
Власть у каждого своя
И своя силенка.
Двухголового видал
В Кяхте я теленка¹.
Хорошо тому телку:
Ест и пьет — все разом.
А мою одну башку
Сунешь ли в два таза?..

Араху Тубе подносят
В черепе опрелом:
— Пей, Туба, и клятву предкам
Дай костями и телом.

И взведенную винтовку
Дулом тычут в губы:

¹ В Кяхтинском музее и в наши дни экспонируется двухголовый теленок-уродец.

— Поцелуй и нам дай клятву,
А не то порубим.

Так и было, было так:
Вновь Туба попал впросак.
Пил из черепа вино,
Дуло чмокнул заодно¹.

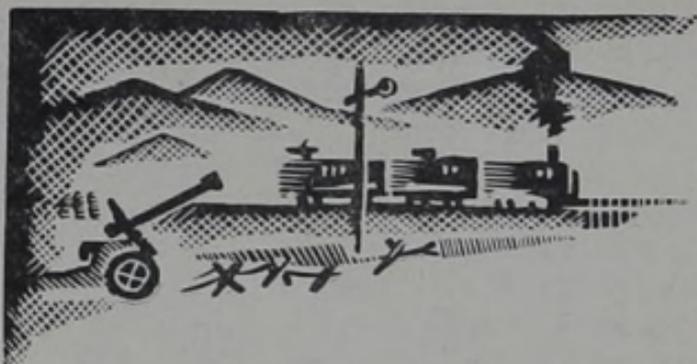
А внутри и возле юрт
Пьяные бандиты.
На кулак веревкой выют
Косы вдов избитых.

Грузный топот сапожищ,
Брань, дележ добычи.
В стельку пьяный виснет хлыщ
На груди девичьей.

В тарантас впрягли людей,
Рвут уздечкой губы.
Партизанских матерей
На воротах трупы.

Бледен снег и ночь бледна.
Юрты, как пещеры.
В небе лысая луна,
Как на флаге череп.

¹ «Пить из черепа присягу», «целовать ружье» при клятве было в обычае алтайцев.

ДАЛЕКО ОТ ТУБЫ

Приуральское предгорье.
Снег орудиям по горло.
Через горы, через степь —
Цепь папах и шлемов цепь.
Все белым-бело окрест.
Солнце в радужном кругу.
Духовой гремит оркестр —
Медный зайчик на снегу.
«Путь далек до Типперери,
Путь далек — четыре дня,
Но зато красotka Мэри
В Типперери ждет меня».

С англичанином Уордом,
Будто бы на пикнике,
Адмирал Колчак по фронту
Проезжал в броневике.

К батарее подрулили,
Вышли из броневика,
Из орудия палили,
Отхлебнувши коньяка.

Адмиральская забава —
Дергать пушку за шнурок.
Адмиралу с гостем — браво! —
Все берут под козырек.
В честь Уорда «Тиннерери»
Духовой оркестр играл.
Плыл бы гость к красотке Мэри,
Что ж он лезет на Урал?

...Лбищенск, Орск, Кунгур и Чёрдынь —
Колчаковцы прут, как черти.
Дутов, Каппель, корпус чешский,
Генерал Белов, Ханжин...
В штаб-вагоне Тухачевский
Карту фронта разложил.

На диване книжек ворох —
Ганнибал, Клаузевиц,
Македонский, сам Суворов.
И закладки меж страниц.
А на лоб легла морщина
Глубиною в добрый шрам.
«Отступили. В чем причина?» —
Думал красный командарм.

В полушубке, в капелюхе,
Шашкой в тамбуре гремя,

В штаб вошел товарищ Блюхер,
Не один — еще с тремя.
Был начдив Тридцатой — Лапин,
Ну, а тех, а тех двоих
Я искал в архивных папках —
Не нашел фамилий их.

Приумолкли все над картой.
Командарм — ладонь ребром
И воскликнул вдруг с азартом:
«Колчака мы так попрем!..»
Был замышлен командармом
План особо грозных свойств —
Связь фронтального удара
С параллельным маршем войск.

И на карте смело, зрело,
Находя умело цель,
Стратегические стрелы
Взяли белых на прицел.
В этих стрелах, в каждом жале,
Устремленном за Урал,
Впятером они слышали
Краснозвездное ура.

Той весной, тем летом бурным,
В тех степях, из края в край,
Пролетал на крыльях бурки
Легендарный наш Чапай,
От Урала до Байкала
Небывалого накала

Ни на день не умолкало
Наше грозное ура.
И вся нечисть адмирала
Без оглядки удирала,
Ноке с Уордом удирал.
Черт бы их совсем побрал!

РЫЖИЙ ЧЕРТ

О прославленные кони
На века, а не на миг,
Что киваете и ржете
Со страниц нетленных книг!

Росинант непревзойденный,
Величавый Буцефал,
Чудо-мерин д'Артаньяна,
Холстомер, что жертвой пал!

Даже ты, любимец палок,
Голосистый натошак,
Верный спутник Насреддина,
Длинноухий, милый Пфак!

Вы Рыжуху-шалопая,
Хоть и возит он Тубу,

Ни за что не принимайте
В достославный ваш табуи.

На овес и на макуху
Тужелей сманил Рыжуху.

Рыжий черт с бандитами
За Аргутом где-то
Сбитыми копытами
Топчет власть Советов.

Скачет по долинам
Чоя, Онгудая
И ошметки глины
В облака кидает.

Через загородки
Прыгает, как леший.
Эй, белье, молодка,
На забор не вешай!..

Во дворе собаки
За ноги кусали.
Топчет грядки мака,
Давит кур с гусями.

Пляшет в переулке,
Ржет, проклятый, звонко.
Опрокинул люльку
С сосунком-ребенком.

У горящей хаты
Опалил хвост, гриву,

Дальше мчит куда-то,
Скалит зубы криво.

Ой, ой, погоди,
Ох, еще нарвешься!
Бой, бой впереди —
С мушки не сорвешься.

Кони, кони всех мастей.
Черные знамена.
В седлах сотни людей
Самых забубенных.

В седлах сотни людей
Вооруженных.
Или нет у них детей,
Не скучают жены?

Над степями синими
Кровавая заря.
Кони ржут тоскливо,
Уздечками звеня.

Вслед за ускакавшими
Склоняется ковыль,
А над ним, как день вчерашний,
Желтая пыль.

Кони, кони всех мастей.
От ускакавших нет вестей.

По колено в ковыле
Ходит Бабачак.

У нее вязанка дров
На плечах.

«Вы, Катунь, Аргут-река,
Не давайте броду,
Запаленным их коням
Не давайте воду.
Белых девять хребтов
Алтая голубого,
Вы держите их коней
Под уздцы за повод.
Будет ли хорошей масть
У нашего скота?
Бандитская власть —
Власть совсем не та.
Наши флаги заново
Расцветут багряно —
Скоро партизаны
Из тайги нагрянут».

Рыжий черт под Тубой.
Эх, Туба, что с тобой?

Переходишь молча
Реки в белой пене,
Сапоги мочишь
Чуть не по колени.

Ваше благородие
В бандитском полку.
Что же ты поводишь
Бросил за луку?

Гложешь часами
Плети рукоятку
И с людьми глазами
Играешь в прятки.

В пьяном разгуле
Добытый пулей
Жирный кус
Потерял, что ли, вкус?

Спать ли зябко стало
Под вдовьим одеялом?

Поутру, чуть светло,
Выйдя за ворота,
Залезаешь в седло
С явной неохотой.

Сам себе, Раскосый,
Отчего бы это,
Прямо на вопросы
Не даешь ответа?

Араха хмельная.
Голова шальная.
Одолели думы
О Каракоруме.

Лентой алой
В кармане не балуи —
Тужелей заметит,
Пулей в лоб приветит.

САМОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТУБЫ

Через Бийск и Усть-Ишá
На Алтай спешат
Красной Армии
Звездные парни.

Улала — преддверие,
В горы ворота.
На рысях кавалерия,
На марше пехота.

Разделаться с бандитами...
Кто там неученый?
В мрамор бьют копытами
Эскадроны ЧОНа¹.

¹ Местами Чуйский тракт проходит по пластам мрамора. ЧОН — части особого назначения.

На мохнатом конике
Алтаец-проводник.
Едут конники
В горы напрямик.

Ветерок колышет
Знамя алое,
Эхо слышит
Голос запевалы:

«Мы — красная кавалерия,
И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ...»

Пехота заливается
Песней своей,
А эхо откликается
Еще веселей:

«Ведь от тайги
До Британских морей
Красная Армия
Всех сильнее!»

Уж сила, так сила —
За рядом ряд
Звезды косые
На шлемах горят.

Буденовки зеленые
На потных лбах.

Глядит завороженно
На них Туба.

Глядит из засады,
Из-за серых скал.
Давно с их отрядами
Он встречи искал.

Давно он все продумал.
Так что ж, Туба, смелей!
Но тычет в спину дулом
Нагана Тужелей:

— Спокойно, спокойно!
По седлам, по коням!
Нам всегда везло.
Сабли наголо!
В атаку, в атаку!
Разэдак и растак их!
Разгоним гольтьбу
Саблями по лбу!..

На аллюре
В нитку кони.
Даже ветер не догонит.
А догонит только пуля.
А догонит шашки свист.
И, глядишь, застряв ногою,
Об копыта головою,
Над испуганной травой
Ты на стремени повис.
Бой лихой кавалерийский!

Шашки накрест — даже искры.
Шашки вниз и на отлет.
Шашки рубят — чья возьмет?
Испытание судьбы —
Даже кони на дыбы.

Если шашкой
Дал промашку,
То, увы,
Дальше мчишь без головы.

Конь наступит на поводья
И со всех копыт — кувырк!
И, глядишь, встает, как вроде
Кувыркаться он привык.
Развернется пыльным крупом
И заржет, заржет над трупом.

Бой кипит кавалерийский,
Полный точности и риска.
Над равниной смерть, как смерч.
Это вам не женщины сечь!

И врасплох, хоть из засады,
Красных не застать.
Тужелею, видно, надо —
«Вольт налево!»¹ — отступать.

С упоением и четко
Настоящий пулемет,

¹ В о л ь т — круговой поворот лошадей.

А не ложная трещотка
С бугорка бандитов бьет.

Краснозвездных два алтайца
Сквозь ружейную пальбу
Гонят сзади, словно зайца,
Ошалевшего Тубу.

Рыжий конь испытанный,
Только очень глупый,
Лунит в дол копытами,
Как в шаманский бубен.

Эх, ты, Рыжуха —
Хвост и два уха!

А навстречу всадник
На коне-огне.
«Мельницей» сабля¹.
Карабин на спине.

Бой лихой кавалерийский!
Шашки накрест — вроссышь искры.
Взвились кони на дыбы.
Испытание судьбы.

И воскликнула судьба —
Вот ведь в жизни как:

¹ Кавалерийский термин — о сабле, быстро вращающейся над головой.

— Ты ли это, друг Туба?

— Это ты, друг Иванак!

В небе спнем два клинка

Там застыли на века...

Но для них та вечность длилась,

Может быть, секунды две.

Вдруг Иван сплеча ударил

По раскосой голове.

Дальше он в пылу атаки

Вслед врагам несется.

А Туба свалился в маки,

Захлебнулся солнцем.

СНЕЖНЫЙ ПОХОД

Вот и лето, вот и осень.
Дни летят — сойдешь с ума!
Вот медведь залег в берлогу,
Вот и снег, опять зима.

Может, слишком был суров,
Может, был Иван не прав?
Впрочем, жив Туба, здоров,
Весел, бодр и даже брав!

В лазарете в Улале
Пил лекарства, ел супы.
Продолжалась на земле
Жизнь Раскосого Тубы!

Видно, тот, кто боек мыслью,
Догадался без труда —

Дал Иван по шапке лисей
Не прямой — плашмя удар.

Бой есть бой — там не плошай!
Пусть это жестоко,
Но судьбу свою решай
Во мгновенье ока.

Пролежал Туба неделю,
Снял со лба повязки.
Шлем на нем, а на шинели
Три полоски красных.

Присягнул под знаменем
И с Рыжухой своим
В красном штабе, при Иване
Стал фельдъегерем, связным.

Кстати, мы прощенья просим:
Все его наперебой
Называют не Раскосым,
А товарищем Тубой.

Богатырский вид у парня,
Выше будто ростом.
Счастлив он, да только в жизни
Все не так-то просто.

В Улале набравшись сил,
Он в Кокша-долину
Навестить родной аил
На Рыжухе двинул.

Подскакал к своим воротам
И глазам не верит:
Ряд лесин поставил кто-то
Перед самой дверью.

Это знак, что нет в анле
Тех, кто в нем недавно жили.
Где жена, где дочь, где сын?
Нехороший знак лесин...

Камнем сделайся, Туба!
Знают все соседи...
Ночь как ни была б темна,
День всегда ведь светел.

Тужелей с остатком банды,
Бешеный от злости,
Был в селе и в твой анл
Заявился в гости.

Он забрал себе твой мех
До последней смушки
И увидел, как на грех,
Вырез на подушке.

С той подушкой по анлу
Заметался, бледный.
«Это что? — кричит. — Кроила
Партизанам ленты?»

Бабачак ударил плетью
И топтал ногами,

Взял и выстрелил при детях
В грудь ей из нагана.

Лишь зола гуляет с ветром
В опустевшей юрте.
Бабачак лежит под кедром.
Сын и дочь в приюте.

Детям — ласка и забота,
Там им лучше рая,
Власть Советская сиротам
Словно мать вторая.

Мы твое, товарищ, горе
Очень понимаем.
Тужелей подался в горы.
Ничего, поймаем!..

Заскрипел Туба зубами
И погнал Рыжуху
По дороге каменистой,
Что в нем было духу.

Время раны сердца лечит.
Дни летят — сойдешь с ума!
Вот и осень листья мечет,
Вот и снег, опять зима.

А Туба все скачет, скачет.
И конца дороге нет.
На груди фельдъегерь прячет
Засургученный пакет.

Снял Иван перчатки
И связному козырнул,
И сломал печати,
И бумагу развернул.

— Слушайте, товарищи бойцы,
Эта весть летит во все концы:
Иркутская Чека
Расстреляла Колчака.

— Адмирала отмирала!—
Резюмировал Туба,
Оттирая пот со лба.

И в бумаге сказано,
Чоновцам приказано:
Тужелея тоже
Надо уничтожить!

Яломанские белки,
Верхние пещеры.
Ледяной хребет клыки
На бойцов оцерил.

Санакуша-проводник —
Головой и тот поник.

Санакуша уверял,
Что проклятый перевал
Неприступен даже летом,
А зимой — уж где там!..

Но во имя светлой жизни
Шли бойцы в свинцовый град,
Сквозь лавины, по крутизнам,
По уступам, прямо в ад.

Не сказать определенно,
Кто кого тащил на склонах —
То ли лошади людей,
То ли люди лошадей.

Подвиг Снежного похода¹,
Этот путь за облака
В доброй памяти народа
Сохранится на века.

Хоть зима стоит крутая,
А в долинах маки —
Это всюду на Алтае
Красные флаги.

¹ Легендарным Снежным походом сводного отряда под командованием И. Долгих завершился на Алтае разгром главных сил белобандитов.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Тужелей сидит на шкурах
В глубине глухой пещеры.
Под гранитным сводом серым
Перед ним его кезеры¹.
Тужелей глаз пугаясь,
В очаге мигает пламя.
А с огня он глаз не сводит,
Тени мечутся на своде.
Все молчат. Что он задумал?
От Катуня и Аргута
Не бежать ли замышляет
В стан халха и торгоутов?²
Может быть, в тибетских храмах
Поклониться хочет Будде?

¹ Кезеры — буквально, силачи; здесь — приспешники, приближенные.

² Монгольские племена.

Или с красными упрямо
До конца бороться будет?
Все молчат. Он трубку курит,
Глаз от струйки дыма щурит.
На свои кривые ноги
Вдруг вскочил с медвежьей шкуры.

— Я не этими ль руками
Воевал с большевиками?
Не успел Колчак дать орден,
Красный черт дела испортил.
Где уздечка золотая,
Повода от Хан-Алтая?
Наш народ к узде привычен,
Но забыл святой обычай.
Мой отец в Каракоруме
За столом от горя умер.
Новый нужен курултай¹
Делать новый Хан-Алтай.
Сел на шкуры, трубку курит
И глаза от дыма щурит.
По пещере смутный гул.
В круг выходит есаул:
— Наши кончились припасы.
Мы слабеем час от часа.
В флягах спирта нет ни капли.
Пожелтели наши сабли.
Мы не в силах с голодовки
На плечах носить винтовки.
Кони все сорвались в пропасть,
И в сердца проникла робость.

¹ Съезд.

Волею-неволею
Нам бежать в Монголию...

Опускалась, тяжелея,
Голова у Тужелея:
— Бог вам в помощь!
Как хотите!
А меня вы застрелите.
Распахнул тулуп,
В толпу
Он глядит...
Никто не смог
Дуло к голому пуцу
Подвести,
Нажать курок.
Вдруг шарахнулись кезеры,
Только некуда им деться —
Осветилась вся пещера,
Ворвались красноармейцы.
Догадается любой —
Впереди Иван с Тубой.
К Тужелею великаном
Подошел Туба с наганом.
Плюнул в дуло, ткнул в тулуп,
Хлопнул выстрел — пуля в пуц.
Зашипел в кишках свинец.
Так и было.
Тут конец.

ТРУБАЧИ

Слушайте, товарищи, слушайте!
Неужели вы не слышите
Клик эскадронной трубы?
Видите, видите, видите —
Над хребтом, в облаках, шлемом в небо
Силуэт конармейца Тубы.

Рядом, а рядом, а рядом —
Со стягом пробитым Иван.
Всадники, всадники, всадники
Проступают сквозь синий туман.

Каждым вечером, после заката,
С последним багряным лучом
Торопливо с крутого ската
Спускаются всадники ЧОН.

И трубят по горам, по трущобам
Не изюбр, не сохатый в ночи —
Запрокинули громкие трубы
К напряженным губам трубачи.

Лишь бровями скомандует старший,
Не успеет умолкнуть латунь —
Краснозвездные всадники с марша
Переплывают Катунь.

И пока Звездный Ковш рукояткой
Повернется в рассветную рань,
Эскадрон пролетит по порядку
Девяносто девять стран.

Пролетают дозорные мира
Вкруг планеты в ударном броске.
Вот уж скачут они по Алжиру,
И следы их на желтом песке.

Вот коней огнегривых пришпорив,
В океанский рванулись простор,
Мчат по волнам к Карибскому морю
На карьере, во весь опор.

Словно дома, на солнечной Кубе
Лошадей припотевших поят.
Но к губам запрокинуты трубы —
Снова всадники дальше летят.

Ветер треплет пробитое знамя.
Вот уже от зениток дымки...

Эскадрон салютует Вьетнаму,
Взяв подвысь боевые клинки¹.

А к рассвету, порою предзорней
Провозвестники новых побед
Возвращаются с вахты дозорной
На родной Яломанский хребет,

Чтобы вечером, после захода,
К небу громкую вскинуть латунь,
Торопливо спуститься и с хода
Переплыть голубую Катунь.

И пока Звездный Ковш рукояткой
Повернется в рассветную рань,
Эскадрон пролетит по порядку
Девяносто девять стран.

¹ Приветственное положение пашки —
плашмя, отвесно, перед собой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Город Улала	5
Туба угодил в тюрьму	13
Рыжуха	16
Окончание арестантской главы	21
Туба наносит визиты	23
Туба защищает демократию	29
Туба и Даба	35
Бубен шамана	42
Колчак	48
Приключение в тайге	53
Новые приключения Тубы	61
Далеко от Тубы	69
Рыжий черт	73
Самое удивительное приключение Тубы	78
Снежный поход	84
Последняя ночь	90
Трубачи	93

Лазарь Васильевич Кокышев

ТРУБАЧИ

Поэма о Раскосом Тубе

Редактор Д. А. Смирнов
Художник Ю. И. Селиверстов
Художественный редактор Н. Л. Юсфина
Технический редактор Н. Е. Болдырева
Корректор В. Н. Крылова

Сд. в наб. 15/X-65 г. Подп. к печ. 28/II-66 г. Форм.
бум. 70×90¹/₃₂. Физ. печ. л. 3,0. Усл. печ. л. 3,51.
Уч.-изд. л. 3,4. Изд. инд. ХЛ-559. А11862. Тираж
10 000 экз. Цена 18 коп. Тем. план 1966 г. № 215.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Коми-
тета по печати при Совете Министров РСФСР,
г. Электросталь Московской области, Школьная, 25.
Заказ № 812.

18 КОП.

Handwritten mark

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»